

В. З. ПАНФИЛОВ

КАТЕГОРИИ МЫШЛЕНИЯ И ЯЗЫКА. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КАТЕГОРИИ КОЛИЧЕСТВА В ЯЗЫКЕ

Категории мышления, будучи наиболее общими понятиями, отражающими основные закономерности объективной действительности, представляют собой, по определению В. И. Ленина, «ступеньки выделения, т. е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее (природу — В. И.) и овладевать ею»¹.

Категории мышления современного человека есть продукт длительно-го исторического развития. Их содержание изменяется по мере углубления познания человеком объективной действительности. «Если все развивается, — писал В. И. Ленин, — то относится ли сие к самым общим понятиям и категориям мышления? Если нет, значит мышление не связано с бытием. Если да, значит есть диалектика понятий и диалектика познания, имеющая объективное значение»². Ступени, этапы в развитии категорий мышления представляют собой ступени, этапы в познании человеком объективной действительности.

Категория количества является одной из наиболее абстрактных категорий мышления современного человека, и ее обусловленность объективной действительностью носит наиболее опосредованный характер. Именно поэтому в самых различных направлениях идеалистической философии она использовалась как пример и доказательство того, что категории мышления являются якобы продуктом чистого разума. Выявляя гносеологический источник идеалистической точки зрения на категории мышления и, в частности, на категорию количества, Ф. Энгельс писал: «...как и во всех других областях мышления, законы, абстрагированные из реального мира, на известной ступени развития отрываются от реального мира, противопоставляются ему как нечто самостоятельное, как явившиеся извне законы, с которыми мир должен сообразоваться»³.

Критикуя точку зрения Дюринга, объявившего, что основные формы бытия и понятия чистой математики имеют внеопытный, априорный характер, Ф. Энгельс указывал: «Чистая математика имеет своим объектом пространственные формы и количественные отношения действительного мира, стало быть — весьма реальный материал. Тот факт, что этот материал принимает чрезвычайно абстрактную форму, может лишь слабо затуманивать его происхождение из внешнего мира»⁴.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 85.

² Там же, стр. 229.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2-е, т. 20, стр. 38.

⁴ Там же, стр. 37.

Рассматривая вопрос о происхождении таких понятий, как число и фигура, Ф. Энгельс писал: «Понятия числа и фигуры взяты не откуда-нибудь, а только из действительного мира. Десять пальцев, на которых люди учились считать, т. е. производить первую арифметическую операцию, представляют собой все, что угодно, только не продукт свободного творчества разума. Чтобы считать, надо иметь не только предметы, подлежащие счету, но обладать уже и способностью отвлекаться при рассмотрении этих предметов от всех прочих их свойств кроме числа, а эта способность есть результат долгого, опирающегося на опыт, исторического развития»⁵. Лингвистические данные по истории образования и развития числительных и категории грамматического числа в самых различных языках, этнографические данные по счету так называемых первобытных народов, наконец, данные по детской психологии подтверждают эти положения Ф. Энгельса и позволяют наметить те основные этапы, через которые прошла в своем развитии категория количества.

Существует точка зрения, что становление категории количества начинается с непосредственного чувственного восприятия количества того или иного конкретного множества, так что различие в количественной характеристике тех или иных конкретных множеств фиксируется в чувственно-наглядных образах этих множеств. Такого рода точка зрения развивалась, в частности, Леви-Брюлем, который находил пережитки этого состояния у так называемых первобытных народов. «Уже у некоторых животных, — пишет Леви-Брюль, — в отношении очень простых случаев отмечена способность подобного рода... Если мы вспомним, что по словам большинства наблюдателей, память первобытных людей „феноменальна“ (выражение Спенсера и Гиллена), „граничит с чудом“ (Шарльвуа), то тем больше оснований думать, что они легко могут обходиться без имен числительных. Благодаря привычке, каждая совокупность предметов, которая их интересует, сохраняется в их памяти с той же точностью, которая позволяет им безошибочно распознавать след того или иного животного, того или иного лица. Стоит появиться в данной совокупности какому-нибудь недочету, как он тотчас будет ими обнаружен. В этом столь верно сохраненном в памяти представлении число предметов или существ еще не дифференцировано: ничто не позволяет выразить его отдельно. Тем не менее, качественно оно воспринимается или, если угодно, ощущается»⁶. Аналогичным образом высказывается по этому вопросу Э. Кассирер. «Здесь это индивидуальные множества, — пишет он, — которые распознаются и отличаются один от другого по какому-либо индивидуальному признаку. „Число“ множества выступает, поскольку о нем вообще можно говорить, не в форме определенной измеренной числовой величины, но как некоего рода конкретное представление числа, как некое наглядное качество, которое связано с вначале еще полностью нерасчлененным общим впечатлением от множества»⁷. Этот этап в развитии счета, по мнению представителей этой точки зрения, пережиточно наблюдаемый у некоторых «первобытных» народов, находит свое отражение и в языках этих народов.

«То, что первобытное мышление выражает в языке, — пишет Леви-Брюль, — это — не числа в собственном смысле слова, а „совокупности — числа“, из которых оно не выделило предварительно отдельных единиц. ... оно (мышление. — В. П.) представляет себе совокупности существ или

⁵ Там же, т. 20, стр. 37.

⁶ Л. Леви-Брюль, Первобытное мышление, М., 1930, стр. 121.

⁷ E. Cassirer, Philosophie der symbolischen Formen, I, Berlin, 1923, стр. 187. См. также E. F e t t w e i s, Das Rechnen der Naturvölker, Leipzig, Berlin, 1927,

предметов, известные ему одновременно и по своей природе и по своему числу, причем это последнее ощущается и воспринимается, но не мыслится отвлеченно»⁸ (разрядка наша. — В. П.). Эта точка зрения нашла известную поддержку и среди математиков. Так, например, И. Г. Башмакова и А. П. Юшкевич, опираясь на Леви-Брюля, полагают, что на первой стадии развития категории количества «численность воспринимается как одно из свойств совокупности предметов, характеризующее эту совокупность наряду с другими свойствами: цветом, формой, размером и т. д.»⁹.

Исследования по зоопсихологии и детской психологии показывают, что, хотя непосредственное восприятие конкретных множеств и их различия в количественной характеристике наблюдаются как у животных, так и у детей, они возможны в небольших пределах (не более, чем до пяти)¹⁰. Имеют место они и у «первобытных» народов, однако, также только в тех случаях, когда количество предметов, составляющих то или иное конкретное множество, является небольшим. Что же касается больших количеств, то «первобытные» люди не потому замечают отсутствие одной лошади в большом стаде или собаки в большой своре, что они непосредственно ощущают разницу в количестве, а потому, что хорошо знают каждую лошадь в стаде или собаку в своре¹¹.

Существенный недостаток рассматриваемой точки зрения на характер первоначального этапа развития категории количества состоит в том, что категория количества является категорией абстрактного обобщенного мышления и, следовательно, чувственно-наглядный способ отражения количественной характеристики конкретных множеств может рассматриваться лишь как историческая предпосылка для ее возникновения, но не как начальный этап в ее развитии.

Несостоятельным оказывается также и то положение сторонников этой точки зрения, что чувственно-наглядные образы тех или иных конкретных множеств якобы выражаются в языках первобытных народов, получая в них соответствующие обозначения. Язык возникает как средство осуществления и существования абстрактного обобщенного содержания мышления, но не его чувственно-наглядного содержания, и необходимой связи между чувственно-наглядными образами и словами не существует¹². Что же касается фактов существования в «первобытных» и непервобытных языках многих рядов числительных, каждый из которых употребляется при счете лишь определенных предметов, или наличия индивидуализованных названий для отдельных устойчивых совокупностей предметов типа русского *дюжина*, на которые обычно ссылаются сторонники этой точки зрения, то, как показывает анализ, они получают иное объяснение, чем это полагает Леви-Брюль, Кассирер и др. (см. стр. 13—14).

⁸ Л. Леви-Брюль, указ. соч., стр. 129.

⁹ И. Г. Башмакова, А. П. Юшкевич, Происхождение систем счисления, «Энциклопедия элементарной математики», I, М., 1951, стр. 18.

¹⁰ Г. З. Рогинский, Навыки и зачатки интеллектуальных действий у антропоидов (шимпанзе), Л., 1948, стр. 147—148; Н. Н. Ладыгина-Котс, Развитие психики в процессе эволюции организмов, М., 1958, стр. 220; Л. А. Яблоков, Восприятие множества и счет при формировании первоначальных понятий о числе. Автореф. канд. диссерт., М., 1951, стр. 3.

¹¹ См., например: Ф. Боас, Ум первобытного человека, М.—Л., 1926, стр. 84. Ср. также: «Не общее число своих собак держит в памяти эскимос, но отдельные представления о белой собаке с черными крапинками, о собаке, родившейся в голодную зиму, и т. п.» (А. В. Васильев, Целое число, Л., 1922, стр. 4—5).

¹² См. об этом: В. З. Панфилов, К вопросу о соотношении языка и мышления, сб. «Мышление и язык», М., 1957; е го ж е, Взаимоотношение языка и мышления, М., 1971.

Начальным этапом становления категории количества как категории абстрактного обобщенного мышления (он, однако, уже предполагает наличие способности выделять единичные объекты из того или иного множества и противопоставлять каждый из них множеству) является такой этап, на котором устанавливалась лишь равночисленность, или равномощность, конкретных множеств предметов, когда предметы, составляющие эти множества, приводились во взаимно-однозначное соответствие¹³. Этот этап развития категории количества засвидетельствован у «первобытных» народов. Исследователи этих народов отмечают, что многие из них имеют числительные лишь в пределах первого десятка, а некоторые лишь числительные «один», «два». Поэтому в тех случаях, когда они имеют дело с конкретными множествами, которые состоят из большего количества предметов, чем то, которое находит свое обозначение в числительных, они по существу устанавливают лишь равночисленность этих множеств. Многочисленные факты такого рода собраны в книге Леви-Брюля «Первобытное мышление».

«Гэддон, — пишет Леви-Брюль, — отлично видел, что здесь нет ни числительных, ни чисел в собственном смысле. Здесь речь идет о своего рода памятной книжке, об особом методе, позволяющем в случае надобности получить данную сумму. „Существовал, говорит он, другой способ счета: начинали с мизинца левой руки, от него переходили к безымянному пальцу, затем к среднему, к указательному, к большому, потом к кисти, к сочленениям плеча, к плечу, к левой стороне груди, к грудной кости, к правой стороне груди и кончали мизинцем правой руки (всего получалось 19). Названия для чисел являются просто названиями частей тела, а отнюдь не числительными. На мой взгляд, эта система могла употребляться лишь в качестве вспомогательного средства для счета, подобно тому, как пользуются веревочкой с узелками, но отнюдь не в качестве ряда действительных чисел. Локтевое сочленение (*куду*) может означать семь или тринадцать, и я не смог выяснить, обозначает ли *куду* действительно одно или другое из этих чисел: в деловых сношениях туземец только вспомнит, до какой части своего тела он дошел при подсчете предметов, и, воспроизведя счет начиная со своего левого мизинца, он всегда вновь найдет искомое число“»¹⁴. Следует только отметить, что в этом, как и других аналогичных случаях, о которых упоминается в книге Леви-Брюля, счет в собственном смысле этого слова не происходит, а имеет место лишь установление равноможности множеств, в силу чего словесное обозначение какого-либо члена конкретного множества и не имеет определенного числового значения. Интересные свидетельства такого же рода, касающиеся коренного населения Австралии, приводятся У. Бакли: «Перед уходом охотники, следуя обычаю, нанесли на руки штрихи, чтобы по ним определять, сколько дней они будут отсутствовать; то же самое сделал один из тех, кто оставался в лагере. Стирая каждый день штрих, он будет знать, сколько прошло времени»¹⁵.

Операции установления равночисленности, или равноможности, конкретных множеств наблюдаются также у детей младшего дошкольного возраста. Так, когда им предлагается по готовому образцу числовой фигуры «сделать такую же» (или «так же») без указания на количество предметов, которые образуют эту фигуру, ее воспроизведение «при со-

¹³ См.: С. А. Яновская, О так называемых «определениях через абстракцию», «Сборник статей по философии математики», М., 1936, стр. 110.

¹⁴ Л. Леви-Брюль, указ. соч., стр. 124.

¹⁵ У. Бакли, Австралийский Робинзон, М., 1966, стр. 49; см. также стр. 32 и 40.

хранении пространственного расположения ее элементов во всех случаях производилось путем мозаичного дробления множества на простейшие компоненты и зрительного сопоставления вычлененных компонентов»¹⁶. Именно этим объясняется тот факт, что для детей этого возраста «счет... еще не является средством определения количества, и они не понимают, что последнее названное числительное указывает на общее количество сосчитанных предметов»¹⁷.

Установление равночисленности двух множеств, образуемых качественно отличными друг от друга предметами, предполагает способность абстрагироваться от качественных различий предметов, составляющих эти множества. Вместе с тем на этом этапе еще не производилось установление количества, числа предметов тех множеств, которые приводились во взаимно-однозначное соответствие.

Выбор того или иного множества конкретных предметов в качестве эталона, или эквивалента, по отношению к которому устанавливалась равночисленность других конкретных множеств, представлял собой дальнейший этап в становлении категории количества. В качестве такого эквивалента, или эталона, первоначально использовалось более чем одно конкретное множество. Так, в этой функции использовались пальцы рук и ног и другие части человеческого тела, а также камешки, палочки и т. п. Э. Кассирер отмечает, что «исходным пунктом для установления различий числовых, равно как и пространственных, отношений является человеческое тело, и отсюда они переносятся на весь чувственно-наглядный мир»¹⁸. Действительно, человеческое тело — и особенно — пальцы рук и ног — как эталон, в отношении которого устанавливалась равночисленность других конкретных множеств, занимает совершенно особое место среди других множеств, используемых в этом качестве. Каждая из частей человеческого тела, будучи качественно отличной от других и имея свое индивидуальное словесное обозначение, могла выступать как конечный член множества — эталона, если подсчет количества предметов, составляющих данное конкретное множество, заканчивался указанием на соответствующую часть человеческого тела. Очевидно, что в отличие от частей человеческого тела члены таких множеств, как палочки или камешки, не обладают этими свойствами.

Выделение эталонов, по отношению к которым устанавливалась равночисленность всех других множеств, привело к возникновению понятий об определенных количествах, т. е. чисел, так как «число можно определить как общее свойство всех равномоощных друг другу множеств»¹⁹.

В качестве названий возникающих понятий о тех или иных определенных количествах при этом использовались:

1. Названия множеств-эквивалентов. Установлено, что в большинстве языков числительное «пять» происходит от слов со значением «рука»²⁰, «десять» в ряде языков буквально означает «две руки»²¹, «двадцать»

¹⁶ Л. А. Яблоков, указ. соч., стр. 7.

¹⁷ Е. И. Корзакова, Усвоение операций счета детьми дошкольного возраста. Автореф. канд. диссерт. М., 1951, стр. 5.

¹⁸ E. Cassirer, указ. соч., стр. 183.

¹⁹ С. А. Яновская, указ. соч., стр. 111.

²⁰ Такова, например, этимология числительного «пять» в нивхском (см.: В. З. Панфилов, Грамматика нивхского языка, ч. 1, М.—Л., 1962, стр. 208—209), в эскимосском (см.: Г. А. Меновщиков, Из истории образования числительных в эскимосском языке, ВЯ, 1956, 4, стр. 65), в чукотском (см.: П. Я. Скорики, Грамматика чукотского языка, ч. 1, М.—Л., 1961, стр. 387) и многих других языках.

²¹ Так, например, этимологизируется это числительное в чукотском языке (см.: П. Я. Скорики, указ. соч., стр. 387).

в некоторых языках означает «человек; самец»²². На ту большую роль, которую играла рука при счете и образовании числовых обозначений, указывает и тот факт, что в некоторых языках слово *считать* буквально означает «пальчить»²³.

На это обстоятельство обращают внимание почти все исследователи «первобытных» народов. В частности, интересное свидетельство приводится Н. Н. Миклухо-Маклаем: «Излюбленный способ счета состоит в том, что папуас загибает один за другим пальцы рук, причем издает определенный звук, например, бе, бе, бе... Досчитав до пяти, он говорит: ибон-бе (рука). Затем он загибает пальцы другой руки, снова повторяет бе, бе..., пока не дойдет до самба-бе и самба-али (одна нога, две ноги). Если нужно считать дальше, папуас пользуется пальцами рук и ног кого-нибудь другого»²⁴.

2. Названия соответствующих членов множеств-эквивалентов, если оно состояло из неоднородных объектов и каждый из них имел свое индивидуальное обозначение; или описательные выражения, которые указывали на какие-либо члены множества-эквивалента. Так, например, в маурском диалекте нивхского языка числительное «девять» буквально означает «один находящийся», а в восточносахалинском диалекте — «один пять», что при ручном счете соответственно понималось «один не загнут», «один остался» и «один до пяти на другой руке»²⁵. В эскимосском языке числительное «четыре» буквально означает «скатывающийся (по отношению к среднему пальцу руки)», «восемь» буквально означает «третьим пару имеющий», «девять» — «четвертым пару имеющий»²⁶. В чукотском языке числительные «шесть», «семь», «восемь», «девять» соответственно означают «один + пять», «два + пять», «три + пять», «четыре + пять»²⁷.

3. Слово (словосочетание), указывавшее на то движение при счете, которое совершалось при достижении соответствующего члена данного множества-эквивалента, или которым заканчивался подсчет. Так, в эскимосском языке числительное «десять» буквально означает «верх; верхний», поскольку при окончании счета на пальцах рук считающий поднимал кисти рук вверх, ладонью правой руки покрывал поднятые вверх пальцы левой руки²⁸.

Этимологии числительных в самых различных языках показывают, что многие из них восходят к словам со значением «много». Так, например, в нивхском языке таким образом этимологизируются собственно количественные обозначения в составе числительных «два», «шесть», «десять», «сто»²⁹. Очевидно, что слова, к которым восходят такого рода числительные, первоначально представляли собой названия конкретных множеств-эквивалентов.

По-видимому, общей закономерностью является то, что числительные, обозначающие большие числа, обычно восходят к словам, являющимся названиями вещей, которые встречаются в большом количестве или представляют собой большую массу. Так, слав. *тъма* обозначает «10 000», санскр. *samudra* «океан» — «10 000 000 000», *salila* «морской поток» —

²² Указанную этимологию это числительное имеет в чукотском (см.: П. Я. Скорик, указ. соч., стр. 387), в эскимосском (см.: Г. А. Меновщиков, указ. соч., стр. 68) и других языках.

²³ Эту этимологию слово «считать» имеет, например, в чукотском языке (см.: П. Я. Скорик, указ. соч., стр. 387). В нивхском языке это слово сопоставляется со словом, означающим «следовать по чему-л.», «идти следом за кем-л. или кем-л.» (см.: В. З. Панфилов, Грамматика нивхского языка, ч. 1, стр. 188).

²⁴ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. III, ч. 1, М.—Л., 1951, стр. 176.

²⁵ См.: В. З. Панфилов, Грамматика нивхского языка, ч. 1, стр. 210—211.

²⁶ См.: Г. А. Меновщиков, указ. соч., стр. 64—66.

²⁷ См.: П. Я. Скорик, указ. соч., стр. 388.

²⁸ См.: Г. А. Меновщиков, указ. соч. стр. 66—67.

²⁹ См.: В. З. Панфилов, Грамматика нивхского языка, ч. I, стр. 207—213.

«100 000 000 000», в древнеегипетском числительное «миллион» обозначалось иероглифом для головастика, «тысяча» — иероглифом для лотоса³⁰, нивх. *н'эмдэ* «тысяча», по-видимому, сопоставляется со словом *н'эмх* «комар» и т. п.³¹.

Особый интерес представляет собой происхождение числительного «один». По крайней мере для некоторых языков обнаруживается связь этого числительного с местоимениями. Так, в нивхском языке собственно количественное обозначение *н'и* в составе числительных «один» всех 26 систем сопоставляется с личным местоимением *н'и* «я»³². В качинском языке числительное *langai* «один» состоит из двух компонентов *la* и *ngai*³³, причем этот последний полностью совпадает с местоимением *ngai* «я», а первый компонент, по-видимому, отождествляется со словом *la*, указывающим на мужской пол, и с некоторыми существительными употребляется в значении «один» самостоятельно. В русском языке компонент *-ин* числительного *один* также имеет местоименное происхождение³⁴, чем объясняется изменение этого числительного по родам³⁵. В эскимосском языке в числительном *атасик* «один» выделяется основа *ата* со значением «отец; глава чего-либо»³⁶.

Таким образом обнаруживается, что понятие «один» формировалось в неразрывной связи и на основе процесса выделения человека из окружающей его действительности, осознания им своего собственного «я» как нечто обособленного и противопоставляемого всем остальным предметам внешнего мира и остальным членам той человеческой общности, к которой он принадлежал.

Факт этимологической разноплановости числительных в самых различных языках и перебои в семантической линии развития числовых обозначений (например, в нивхском языке «пять» связано с понятием о руке, «шесть» с названием множества предметов, «девять» опять связано с рукой и т. д.), с одной стороны, подтверждают положение о том, что в качестве множеств-эквивалентов использовалось не только человеческое тело и его части, но и другие конкретные множества, а с другой, говорят о том, что и после возникновения тех или иных количественных понятий, рука продолжала использоваться при счете. Только в силу этого в дальнейшем при образовании понятий о больших количествах они могли обозначаться словами, связанными с ручным счетом³⁷. Именно отсут-

³⁰ P. Thiemé, Die Heimat der indogermanischen Gemeinsprache, Wiesbaden, 1954, стр. 18 и сл.; Т. А. Дегтерева, Формы проявления семасиологических законов, сб. «Законы семантического развития в языке», М., 1961, стр. 19—20.

³¹ В этом отношении представляет интерес также и следующий способ обозначения большого количества в нивхском языке, отмеченный нами в фольклорном тексте: *Пилкыр н'о н'адр тий н'лами сол'ти хара имыо'* «Большущий амбар один, а также половину мари (место в тайге, где пасутся олени. — В. П.) оленей (ему) отдал».

³² См. подробнее: В. З. Панфилов, Грамматика нивхского языка, ч. 1, стр. 204.

³³ См.: Е. В. Пузидкий, Качинский язык, М., 1968, стр. 57, ср. стр. 52.

³⁴ Ф. Буслев, Историческая грамматика русского языка. Этимология, 4-е изд., М., 1875, стр. 115, 152.

³⁵ В. В. Виноградов в связи с этим отмечал, что числительное *один* в русском языке «сохраняет морфологическую систему местоименного прилагательного» (В. В. Виноградов, Русский язык, М. — Л., 1947, стр. 292).

³⁶ См.: Г. А. Меновщикова, указ. соч., стр. 62.

³⁷ «Числительные системы всего мира, — отмечал Э. Тэйлор, — по действительным схемам своего расположения, распространяют и подкрепляют воззрение, что счет по пальцам рук и ног был первоначальным методом счисления у человека, принятым и выраженным в языке ... Теперь, хотя в большей части известных языков в самих числительных не замечается прямого обращения к ручным и ножным пальцам, к рукам и ногам, но самые схемы пятеричного, десятичного и двадцатичного счета остаются в виде свидетельства, что подобный ручной и ножной счет был их первоначальным основным методом» (Э. Б. Тэйлор, Первобытная культура, 1, 2-е изд., СПб., 1896; стр. 231; см. также стр. 216—223).

ствием единой линии в происхождении числовых обозначений объясняется та морфологическая неоднородность числительных, на которую указывают многие исследователи³⁸.

Рассматриваемый этап развития категории количества нашел свое отражение в фактах возникновения нескольких параллельных обозначений для отдельных чисел, а также в возникновении в пределах грамматической категории числа различных значений собирательного типа, учитывающих качественные особенности объектов, образующих соответствующие конкретные множества.

То или иное определенное количество могло получить больше, чем одно название, так как в качестве множеств-эквивалентов могли выступать несколько одинаковых в количественном отношении совокупностей предметов. Так, например, в нивхском языке понятие «пять» связано с **хон* «много» и *т'о* «рука», а понятие «два», выражаясь собственно количественным обозначением **ми*, связано также со словом *тонгpm'* «двойняшки»³⁹. В китайском языке понятие «два» выражается двумя числительными: *лян* и *эр*, в качинском языке — числительными *lähkwang* и *ni*⁴⁰. Несколько обозначений одного и того же количества возникали также и потому, что при возникновении соответствующего понятия в качестве исходной точки отсчета нередко использовались несколько уже существующих числовых обозначений. Так, в чукотском языке число «девять» обозначается числительными *ныргамытлынэн* буквально «четыре + пять» и *амынгытдакыльэн* буквально «не десятый»; число «четырнадцать» обозначается числительными *мынгыткэн ныраq* парол буквально «десять четыре лишних» и *акылындакыльэн* буквально «не пятнадцатый»; число «девятнадцать» обозначается числительными *кылынкэн ныраq* парол буквально «пятнадцать четыре лишних» и *эдлиqqэкылын* буквально «не двадцатый»⁴¹.

В чаплинском диалекте эскимосского языка число «пятнадцать» обозначается как словом *акимичак'*, так и сочетанием слов *к'улям тал'ымат сипнык'* буквально «десять пять слишком»; в языке гренландских эскимосов число «двадцать» обозначается двояким способом: *aftersaneq talimat* буквально «процесс перехода пяти» (что указывало на переход при счете с одной ноги на другую и на окончание счета) и *inuk navdlugo* буквально «человек целиком»⁴².

Специалисты по индоевропейским языкам из факта отсутствия общего индоевропейского архетипа числительного «один» при общности архетипов числительных от «двух» до «пяти» делают вывод, «что числительное „1“ образовалось гораздо позднее, чем числительные „2“ — „10“ и даже „100“ ... что понятие числа „1“ и его название возникли в период „распада“ (или, в крайнем случае, в начале периода „распада“) индоевропейского языкового единства...»⁴³. Здесь не учитывается, однако, что понятие

³⁸ См., например: В. А. Б р и м, Система числительных в германских языках, сб. «Языковедные проблемы по числительным», I, М., 1927, стр. 159—160; В. В. В и н о г р а д о в, указ. соч., стр. 291 и сл.

³⁹ См.: В. З. П а н ф и л о в, Грамматика нивхского языка, ч. 1, стр. 207—211.

⁴⁰ См.: А. А. Д р а г у н о в, Исследования по грамматике современного китайского языка, М.—Л., 1951, стр. 197; Е. В. П у з и ц к и й, указ. соч., стр. 57.

⁴¹ См.: П. Я. С к о р и к, указ. соч., стр. 388—389.

⁴² См.: Г. А. М е н о в и щ и к о в, указ. соч., стр. 67, 69.

⁴³ В. П. М а ж у л и с, Индоевропейская десятичная система числительных, ВЯ, 1956, 4, стр. 54. Аналогичную точку зрения по этому поводу высказывал также С. П. Обворский (см.: С. П. О б н о р с к и й, Заметки по русским числительным, М., 1935, стр. 329). Отметим также, что вопреки утверждению В. П. Мажюлиса и Е. Фетт-вайза, на которого В. П. Мажюлис ссылается, понятие «один» возникает у детей, во всяком случае, не позднее, чем понятие «два» (см.: Л. А. Я б л о к о в, указ. соч., стр. 8).

«один» в индоевропейском праязыке могло связываться с несколькими названиями и закрепиться в дальнейшем за разными названиями в различных индоевропейских языках. Так, например, в чукотском языке понятие «один», выражаясь числительным *ыинен*, связано также с первым компонентом числительного *конъачынкэн* «девять», буквально «один рядом (отодвинут)» и повторительного числительного *кун-эче* «один раз»; в кетском языке понятие «один» выражается двумя основами — *кок* при счете одушевленных и *кус'* при счете неодушевленных предметов⁴⁴.

Очевидно, что выделение единичного объекта из какого-либо конкретного множества является необходимым условием не только для установления взаимно-однозначного соответствия каких-либо двух множеств предметов на первом этапе развития категории количества и образования понятий о количествах, больших чем «один», на дальнейшем этапе ее развития, но и условием для выделения и сравнения в качественном отношении одного предмета с другим⁴⁵.

Можно предположить, что этап установления равночисленности в истории развития счета должен был привести к возникновению многих рядов или систем последовательно возрастающих числительных, каждый из которых использовался при счете в соответствии с качественными особенностями исчисляемых предметов.

Такого рода предположение как будто подтверждается тем, что во многих языках (в ряде индейских языков, языков Океании и в одном из палеоазиатских языков — ивхском языке) действительно существует несколько систем числительных, каждая из которых употребляется при счете лишь предметов определенного рода. По мнению многих ученых, числительные этого типа возникли на том этапе развития счета, когда понятие количества еще не выделялось, а существовали лишь понятия о количествах тех или иных конкретных предметов. «На примитивных ступенях развития языка повсюду обнаруживается, что числовые обозначения непосредственно сливаются с обозначениями вещей и свойств. То же самое обозначение одновременно служит как для выражения свойств предметов, так и для выражения его числовой определенности и его числового характера...»⁴⁶.

Ссылаясь в этой связи на язык острова Фиджи, в котором существуют специальные слова для обозначения 2, 10, 100 и 1000 кокосовых орехов или 10 лодок, 10 рыб и т. п., на язык североамериканских индейцев цимшиан, в котором есть специальные числительные для счета длинных предметов, мелких предметов и т. п., Э. Кассирер далее утверждает, что «дифференциация рядов чисел (*Zahlreihen*)... практически может быть неограниченной»⁴⁷.

Леви-Брюль, используя такого рода факты для подтверждения своей теории об особом, дологическом мышлении «первобытных» народов, утверждает следующее: «Эти факты сводятся, как мы думаем, к общему

⁴⁴ А. П. Дульзон, Кетский язык, Томск, 1968, стр. 123. Сведения по чукотскому языку нами получены от Н. Я. Скорика.

⁴⁵ «Для того, чтобы могло возникнуть понятие числа, — необходимо наличие реальных вещей и их совокупностей (множеств) и действительное (практическое) отношение человека к ним, состоящее в умении комбинировать вещи в множества, различать внутри множества как целого отдельные элементы и приводить эти множества в соответствие друг с другом» (С. Я. Яновская, указ. соч., стр. 114; разрядка наша. — В. П.). Ср. противоположное утверждение Л. Леви-Брюля (указ. соч., стр. 129).

⁴⁶ E. Cassirer, указ. соч., стр. 189.

⁴⁷ Там же, стр. 189. Аналогичное утверждение см. у Леви-Брюля (указ. соч., стр. 129).

предрасположению мышления низших обществ. Так как абстракции этого мышления являются всего скорее индивидуализирующими, чем обобщающими, то оно на известной ступени своего развития образует имена числительные, однако, это не числительные *in abstracto*, как те, которыми пользуемся мы. Это всегда имена числительные определенных разрядов существ и предметов»⁴⁸. Особенности мышления объясняет такого рода факты также и Б. М. Кедров⁴⁹. Эта точка зрения разделяется также некоторыми математиками⁵⁰.

Представляется, однако, что тот этап в развитии категории количества, когда лишь устанавливалась равночисленность тех или иных конкретных множеств, не мог привести к возникновению многих рядов последовательно возрастающих числовых обозначений, каждый из которых (рядов) использовался бы при счете лишь определенных предметов. В самом деле, выбор множества-эквивалента с учетом специфики предметов множества, равночисленность которого устанавливалась, мог привести к возникновению последовательно возрастающих числовых обозначений только в том случае, если каждый из членов множества-эквивалента был строго индивидуализирован по своим качествам и, следовательно, названию. Но, во-первых, практически это могло быть только в отношении единичных множеств-эквивалентов (части человеческого тела, но не камешки, палочки и т. п.). Во-вторых, при этом получилось бы, что тождественные по своим качествам члены множества, равночисленность которого устанавливалась, соотносились бы с различными по своим качествам членами множества-эквивалента. А это противоречит самой идее учета качественной специфики членов равнозначного множества, так как сама операция установления равночисленности возможна лишь при отвлечении от качественных особенностей членов обоих множеств.

Тот факт, что конкретный счет и конкретные числительные, указывающие не только на количество, но и на вид исчисляемых предметов, существуют лишь в некоторых языках «первобытных» народов (из всех палеоазиатских языков — только в нивхском, но не в эскимосском, или чукотском, или кетском, или юкагирском; из многочисленных индейских языков лишь в языке цимшиан, дене и некоторых других и т. п.), также не может получить объяснения с той точки зрения, которая развивалась в этой связи Э. Кассирером и другими исследователями. Ниже будет показано также (см. стр. 13—14), что все соответствующие конкретные числительные различных рядов, или систем, т. е. все числительные со значением «один», все числительные со значением «два» и т. п., включают в свой состав общий компонент, который и передает понятие о соответствующем количестве, т. е. понятие об «одном», понятие о «двух» и т. п., и, следовательно, надо искать другие причины возникновения конкретных числительных, чем те, которые называют сторонники этой точки зрения.

Выделение эталонов, или эквивалентов, по отношению к которым устанавливалась равночисленность остальных конкретных множеств, знаменовало собой возникновение понятий об определенных количествах, что могло быть только при условии возникновения способности отвлекаться от качественных особенностей предметов, составляющих то или иное множество, и выделять их количественную характеристику. Вместе с

⁴⁸ Л. Левин-Брюль, указ. соч., стр. 130—131.

⁴⁹ Б. М. Кедров, О повторяемости особого рода в процессе развития, «Философские науки», 1959, 1, стр. 59. См. также: А. Г. Спиркин, Формирование абстрактного мышления на ранних ступенях развития человека, ВФ, 1954, 5, стр. 68—69.

⁵⁰ Р. Курант, Т. Роббинс, Что такое математика, М.—Л., 1947, стр. 20—21.

тем на этом этапе развития категории количества понятия об определенных количествах еще не мыслились в отрыве от понятий о конкретных предметах, составляющих это количество, и, следовательно, еще не существовало абстрактного счета, т. е. такого счета, при котором числовые обозначения не сопровождались бы названиями предметов счета. Так, например, исследователь корякского языка С. Н. Стебницкий отмечал, что, хотя в этом языке и существуют только такие числительные, которые употребляются при счете предметов любого рода, «коряк не мыслит понятия „три“ или какого-либо другого числа вне его отношения к какому-либо предмету, отвлеченно»⁵¹. П. Я. Скорик пишет, что в 20-х годах при обучении чукчей арифметике ему пришлось столкнуться с большими трудностями, так как «чукчи (и дети, и взрослые) совершенно не понимали арифметических действий с отвлеченными числами (*ыннэн* „один“, *нирэд* „два“ и т. д.) и хорошо их усваивали в связи с конкретными предметами или при обозначении чисел как предметов (*ыннэнычын* „единица“, *нирэдычын* „двойка“ и т. д.)»⁵².

Следовательно, существовал такой этап в развитии категории количества, когда уже возникшие числовые обозначения употреблялись только в сочетании с названиями тех или иных конкретных предметов счета.

Наличие во многих языках числительных, которые включают в свой состав не только собственно количественные обозначения, но и компоненты, возводимые к названиям предметов счета, а также существование так называемых суффиксов-классификаторов, обусловлены этим этапом развития категории количества. Такого типа числительные есть в некоторых индейских языках (цимшиан, дене и др.), в языках Океании и в нивхском языке. В нивхском существует 26 систем различных числительных, каждая из которых до недавнего времени употреблялась лишь при счете предметов определенного рода (см. табл.). Однако соответствующие числительные всех 26 систем (т. е. все числительные со значением «один» или все числительные со значением «два» и т. д.) имеют в своем составе общие собственно количественные обозначения, а их вторые компоненты (показатели систем), которыми они и отличаются друг от друга, являясь (или восходят) названиями предметов счета. Есть основание утверждать также, что числительные в нивхском языке возникли в результате перерастания синтаксических словосочетаний, образованных из уже существовавших общих числовых обозначений и названий предметов счета, в сложные слова в силу того, что эти числовые обозначения всегда употреблялись вместе с последними⁵³. Образование, по крайней мере, числительных некоторых систем относится к весьма раннему периоду развития нивхского языка и нивхского народа, о чем могут свидетельствовать этимологии показателей этих систем. Так, например, показатель XXIII системы *-к* сопоставляется со словом *кы* «топор», которое имеет общий корень с глаголами *хы-эд'* «рубить», *хы-эд'* «копать», *хы-мэд'* «закопать». Эти сопоставления позволяют сделать вывод, что показатель *-к* этой системы восходит к названию каменного орудия, которым рубили, копали и т. п.⁵⁴.

⁵¹ С. Н. Стебницкий, Объяснительная записка и перевод к учебнику арифметики для 1-го класса корякской школы (ч. 2), Л., 1933, стр. 4.

⁵² П. Я. Скорик, указ. соч. стр. 386, примеч. 273.

⁵³ См. подробнее: В. З. Панфилов, Нивхские количественные числительные, Автореф. канд. диссерт., Л., 1953; е го ж е, Грамматика нивхского языка, ч. 1, стр. 214—221; е го ж е, К истории счета (нивхские количественные числительные), ФН, 1959, 4.

⁵⁴ См.: В. З. Панфилов, Грамматика нивхского языка, ч. 1, стр. 199—200.

К нивхским числительным типологически близки числительные в языке цимшиан⁵⁵, где также существуют различные системы числительных для счета предметов различного рода (плоских, круглых, длинных предметов, лодок, людей, а также различных мер). Наряду с этим в языке цимшиан есть числительные «для простого счета», а числительные остальных систем образованы из основ и суффиксов — показателей систем⁵⁶.

Леви-Брюль приводит следующие числительные со значением «три» из другого индейского языка — дене: *тха* «три вещи», *тхане* «три лица», *тхат* «три раза», *тхатон* «в трех местах», *тхаух* «тремя способами», *тхайтох* «три предмета вместе», *тхозтох* «три лица вместе», *тхаутох* «три раза вместе»⁵⁷. Все они включают общий корень *тха*, который и означает «три». Как отмечает К. К. Уленбек, по своему характеру к нивхским числительным близки также числительные в языке североамериканских индейцев вашо (*washo*) и в некоторых аустронезийских языках — чаморро (*chamorro*) и др.⁵⁸. По данным П. Гамбруха, в языке науру (Маршалские острова) существует около 25 различных систем числительных, каждая из которых употребляется лишь при счете предметов определенного рода (живых существ; растений и цветов; лодок; посуды для питья; листьев и перьев; чепей и шнурков; длинных больших предметов; частей предметов, поделенных вдоль; частей предметов, поделенных поперек; частей предметов, поломанных по-всякому; связок кокосов и бананов; ночей и дней; куч каких-либо предметов и т. п.). Все соответствующие числительные 25 систем имеют общие корни и отличаются друг от друга своими вторыми компонентами, которые П. Гамбрух называет суффиксами-классификаторами⁵⁹.

В китайском языке (*байхуа*) существуют собственно числовые обозначения (числительные), которые употребляются при счете всех предметов, а также при абстрактном счете. Однако во всех случаях, когда указывается на количество каких-либо конкретных предметов, между числительными и существительными вставляются так называемые счетные слова, или суффиксы-классификаторы (их в китайском языке более 40), которые указывают на вид исчисляемых предметов⁶⁰. Таким образом, в отличие от рассмотренных выше случаев в китайском языке собственно количественные обозначения существуют и как самостоятельные слова (числительные); иначе говоря, хотя в китайском языке, как и в указанных выше языках, собственно количественные обозначения всегда должны были сопровождаться названиями предметов счета, это не имело результатом такого их слияния с этими последними, что они перестали выделяться в качестве самостоятельных слов, как это произошло, например, в нивхском языке. То же самое, по-видимому, следует сказать о японском и дунганском языках, в которых числительные при сочетании с существительными, как и в китайском языке, сопровождаются счетными словами⁶¹.

⁵⁵ На близость нивхских числительных и числительных в языках североамериканских индейцев впервые обратил внимание Л. Я. Штернберг (см.: Л. Я. Штернберг, Образцы материалов по изучению гилацкого языка и фольклора, «Изв. имп. Акад. наук», ser. V, XIII, 4, 1900, стр. 410).

⁵⁶ F. B o a s, Handbook of American languages, pt. I, Washington, 1911, стр. 396—397.

⁵⁷ Л. Леви-Брюль, указ. соч., стр. 130.

⁵⁸ C. C. U h l e n b e c k, Zu den einheimischen Sprachen Nord-Amerikas, «Anthropos», V, 4, 1910, стр. 784—786.

⁵⁹ P. H a m b r u c h, Die Sprache von Nauru, Hamburg, 1914, стр. 29—30.

⁶⁰ См.: Л ю й Ш у - с я н, Очерк грамматики китайского языка, II, ч. 1, М., 1965, стр. 5—10; А. А. Д р а г у н о в, указ. соч., стр. 43—57.

⁶¹ Из числа представителей других языковых семейств здесь следует упомянуть также о персидском языке, в котором насчитывается несколько десятков счетных слов

В языках «первобытных» и непервобытных народов есть также индивидуализованные названия устойчивых в количественном отношении совокупностей предметов. Таковы, например, нивх. *ap* «связка юколы обычно из 25 парных юколин», *xugi* «связка корма для собак обычно из 50 одинарных юколин (*hapq*)», **βat* «веревка саженой длины, к которой обычно привязывалось 50—60 крючков (*κ'ιmυ*)» и некоторые другие; нем. *Mandel* «копна из 15—16 снопов», *Stiege* «20 штук» (ср. англ. *score*), *Schock* «60 штук» (первоначально копна из 60 снопов), *Wall* «80 штук» (преимущественно в рыботорговле; восходит к гот. *walus* «палка», т. е. по числу рыб, носимых на одной жерди) и др.⁶²; русские *пара*, *дюжина* (ср. англ. *dozen* «дюжина») и аналогичные по своему значению слова во многих других языках⁶³. Такого типа количественные обозначения, как и рассматриваемые выше числительные, также употребляются при счете только предметов определенного рода. Однако в отличие от последних они не образуют последовательного числового ряда, и их возникновение обусловлено иными причинами. Следует прежде всего отметить, что, по-видимому, достаточно определенное количественное значение они получают только в тех языках, где уже существуют числительные как обозначения соответствующих количеств. Очевидно, что определенное числовое значение таких названий возникло на основе уже существующих числовых обозначений в связи с тем, что в торговле, обмене, производстве и т. п. фигурировали устойчивые в количественном отношении совокупности предметов. На это обстоятельство указывает Э. Тэйлор: «При счете раков и мелкой рыбы они (летты. — В. П.) бросают их по три, и потому слово *mettens* „бросание“, получило значение 3; камбала же вяжется партиями в тридцать штук, и слово *kahlis* „веревка“, получило значение этого числа»⁶⁴. Получив такое вполне определенное количественное значение, некоторые из таких индивидуализованных названий совокупностей предметов могли впоследствии даже вытеснить основное числовое обозначение. Такова, например, история возникновения в русском языке числительного *сорок*, вытеснившего первоначальное *четыредесяти*. Как отмечает Л. А. Булаховский, «нет серьезных оснований сомневаться в том, что это первоначально имя существительное с материальным значением „рубаха“: в „сорок“ или „сорочек“ вкладывалось 40 шкур соболей на полную шубу»⁶⁵.

В тех языках, где еще нет соответствующих числовых обозначений, такие индивидуализованные названия совокупностей предметов не могут иметь определенного числового значения и, по-видимому, в процессе торговли, обмена и т. п. устанавливалась лишь равночисленность ими обозначаемых совокупностей предметов с множествами-эквивалентами.

Возникновение в языке числительных, употребляющихся при абстрактном счете, переход от различных типов собирательной множественности к абстрактной дистрибутивной множественности в пределах грамматической категории числа⁶⁶ свидетельствуют о следующем этапе в

(см.: Р. Г а л у н о в, Нумеративные слова в персидском языке, «Языковедные проблемы по числительным», 1).

⁶² См.: В. А. Б р и м, указ. соч., стр. 157—158; В. Б. Ш к л о в с к и й, Числовое значение яйда в романо-германском, — «Языковедные проблемы по числительным», I, стр. 134, примеч. 1.

⁶³ Примеры такого рода слов см.: Э. Б. Т э й л о р, указ. соч., стр. 226—228.

⁶⁴ Там же, стр. 228.

⁶⁵ Л. А. Б у л а х о в с к и й, Исторический комментарий к литературному русскому языку, Харьков—Киев, 1936, стр. 136.

⁶⁶ То обстоятельство, что более ранние этапы развития языка характеризуются наличием значительного количества аффиксов со значениями различных типов собирательных множеств, учитывающих качественные особенности их составляющих объ-

Системы числительных в нивском языке

Числительные для счета	Порядковый номер системы					
	I	II	III	IV	V	VI
	Лодок (му)	Нарт (т'и)	Связок юколы (ар)	Ручных четвертой (ма)	Ручных саженьей (а)	Связок корма для собак (хуви)
«один»	н'им	н'ири	н'ар	н'ма	н'а	н'үүви
«два»	мим	мири	мэр	мэма	мэ	миүүви
«три»	т'эм	т'эри	т'ар	т'ма	т'а	т'эүви
«четыре»	ным	ныри	ныр	ныма	ны	нуүүви
«пять»	т'ом	т'ори	т'ор	т'ома	т'о	т'оүви
«шесть»	нах	нах	наҕ ар	наҕ ма	аҕи, наҕ а,	на(х) хуви
«семь»	намк	намк	намк ар	намк ма	амги	нам(к) хуви
«восемь»	минр	минр	минр ар	минр ма	мины а	мин(р) хуви
«девять»	н'ын'бэн	н'ын'бэн	н'ын'бэн ар	н'ын'бэн ма	н'ын'бэн а	н'ын'бэн үүви
«десять»	мхо	мхо	мхор	мхо ма	н'ави а мхо а	мхо үүви
	VII	VIII	IX	X	XI	XII
	Прутьев с нанизанной корюшкой	Прутьев с нанизанной корюшкой /дос/	Неводов	Снастей для ловли тюленей и калуги	Неводных ячей	Неводов и сеток для рыбной ловли
«один»	н'наq	н'дос	н'вор	н'фат	н'иу	н'эо
«два»	м'наq	м'дос	м'вор	м'фат	миу	мэо
«три»	т'наq	т'дос	т'фор	т'фат	т'эу	т'эо
«четыре»	нигыq	ндис	неур	нфит	нуу	ну
«пять»	т'онаq	т'одос	т'овор	т'офат	т'оу/т'ои	т'оу
«шесть»	наҕнаq	нах дос	наҕвор	наҕфат	нах	нах
«семь»	намкнаq	намк дос	намквор	намкфат	намк	намк
«восемь»	минрнаq	мин/д/р дос	минрвор	минрфат	минр	минр
«девять»	н'ын'бэннаq	н'ын'бэн дос	н'ын'бэнвор	н'ын'бэнфат	н'ын'бэн	н'ын'бэн
«десять»	мхонаq	мхо дос	мховор	мхофат	мхоу	мхоу

Числительные для счета	Порядковый номер системы							
	XIII	XIV	XV	XVI	XVII	XVIII		
	Неводных полос	Прядей веревки	Количества пальцев при измерении толщины сала	Семейств (чу)	Шестов	Мест (йивф)		
«один»	н'эришдэ	н'лай	н'и/γ/ит'	н'иэчу	н'ла	н'авр		
«два»	мэришдэ	мэлай	ми/γ/ит'	миэчу	мэл	мэвр		
«три»	т'эришдэ	т'лай	т'э/γ/ит'	т'ээчу	т'ла	т'авр		
«четыре»	ныришдэ	нлай	ну/γ/ит'	ныэчу	нлы	нывр		
«пять»	т'оршдэ	т'олай	т'о/γ/ит'	т'оэчу	т'ола	т'овр		
«шесть»		наγлай		наγ су	наγла	наγ (йивф)		
«семь»		намклай		намк су	намгла	намк (йивф)		
«восемь»		минрлай		мин/δ/р чу	минрла	мин/δ/р (йивф)		
«девять»		н'ын'бэнлай		н'ын'бэн чу	н'ын'бэнла	н'ын'бэн (йивф)		
«десять»		мголай		мго су	мгола	мховр		
	XIX	XX	XXI	XXII	XXIII	XXIV	XXV	XXVI
	Парных предметов	Кедровых и сло- вых досок	Тонких плоских предметов	Длинных предметов	Мелких округлых предметов	Людей	Животных	Предметов разно- образной формы
«один»	пасq/н'васq	н'эт'	н'рах	н'эх	н'ик	н'ин/н'эн	н'эн'	н'аqr
«два»	мэвсq	мэт'	м'рах	мэх	мик	мэн	мор	мэqr
«три»	т'фасq	т'эт'	т'рах	т'эх	т'эх	т'аqr	т'ор	т'аqr
«четыре»	нвысq	ныт'	нрых	ных	ных	ныр	нур	ныкр
«пять»	т'оваq/т'овсq	т'от'	т'орах	т'ох	т'ох	т'ор	т'ор	т'оqr
«шесть»	наγ басq	наγэт'	наγрах	наx	наx	наx	наx	наx
«семь»	намк басq	намгэт'	нам'рах	намк	намк	намк	намк	намк
«восемь»	мин/δ/р басq	минрэт'	минррах	минр	минр	минр	минр	минр
«девять»	н'ын'бэн басq	н'ын'бэнэт'	н'ын'бэнрах	н'ын'бэн	н'ын'бэн	н'ын'бэн	н'ын'бэн	н'ын'бэн
«десять»	мго басq	мгоэт'	мгорах	мгоx	мгоx	мго	мгон, мгос	мгоqr

развитии категории количества. На этом этапе средством установления равночисленности или равномоцности, становится уже число как таковое, и, следовательно, категория количества как бы освобождается от влияния категории качества и достигает высшей степени абстрактности.

В тех языках, где было образовано несколько систем числительных, первоначально употреблявшихся при счете только предметов определенного рода, это находит свое проявление в том, что одна из систем числительных начинает вытеснять остальные системы и употребляться как при счете таких предметов, для которых в этой функции ранее использовались особые системы числительных, так и при абстрактном счете. Так, например, в нивхском языке эту роль в настоящее время приняла на себя XXVI система числительных; нивхи среднего и младшего поколений из 26 систем числительных употребляют лишь некоторые (XXVI, XVIII, XIX, XXIV, XXV)⁶⁷.

В других языках, где вследствие различия в источниках происхождения числовых обозначений числительным была свойственна различная грамматическая природа, этот этап развития категории количества вызывает выравнивание их грамматических свойств и приводит к тому, что числительные теряют признаки тех частей речи, из которых они перешли в этот разряд слов. В частности, В. В. Виноградов отмечает, что благодаря освобождению от влияния категории предметности и вследствие влияния математического мышления числительные (по крайней мере с 4) ряда западноевропейских языков (латинского, греческого, французского, немецкого и английского) в настоящее время уже лишены морфологического разнообразия, в то время как в русском языке, где прослеживаются аналогичные тенденции, они еще не достигли этой ступени развития⁶⁸. Таким образом, закономерности образования числительных как особого лексического и грамматического разряда слов получают свое объяснение в связи с намеченными здесь этапами развития категории количества как категории абстрактного обобщенного мышления.

Следует отметить также, что грамматические показатели абстрактного дистрибутивного множества первоначально выражали те или иные собирательные значения, отмечают исследователи самых различных языков. См., например: И. М. Т р о н с к и й, К семантике множественного числа в греческом и латинском языках, «Уч. зап. [ЛГУ]». Серия филол. наук, 10, 1946; В. И. Ц и ц и у с, Множественное число имени в тунгусо-маньчжурских языках, там же; Д. В. Б у б р и х, Древнейшие числовые и падежные формы имени в финно-угорских языках, сб. «Язык и мышление», XI, М.—Л., 1948; В. И. Д е г т я р е в, Развитие лексико-грамматических классов собирательных и вещественных имен существительных в русском языке XI—XVII вв. Автореф. канд. диссерт., Ростов-на-Дону, 1965; Б. А. С е р е б р е н н и к о в, Существовали ли в протоуральском языке именные классы?, ВЯ, 1969, 3; Ю. К. Щ е г л о в, Очерк грамматики языка хауса, М., 1970, и др.

⁶⁷ См.: В. З. П а н ф и л о в, Грамматика нивхского языка, ч. I, стр. 220—221.

⁶⁸ В. В. В и н о г р а д о в, Русский язык, стр. 288—291.